

А.Ф. Борун

**КОРОЛЬ
И
ПАЛАЧ**

**(профессиональная обложка
удалена до выяснения,
что считается по новому Указу
"признаками искажённого
представления..." и т.д.)**

Александр Феликсович Борун

Рукотворные чудеса, или Король и палач

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34050385

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ в жанре альтернативной истории об алых парусах, а также о короле Англии, Анне Болейн, Джейн Сеймур, Томасе Море, Кромвеле... и о палаче Жане Ромбо, выписанном из Франции королём, заботящемся о бывшей жене.

Александр Борун

Рукотворные чудеса, или Король и палач

Предупреждение: рассказ написан с точки зрения Школы Анналов, для которой важнее превалирующие в данный промежуток времени исторические тенденции, чем конкретные даты.

* * *

То, что случилось после дискуссии короля с палачом, стёрло её начало из памяти всех, кто её слышал. С чего бы королю вступать в дискуссию со столь странным собеседником столь низкого звания? А тот, уж наверное, не мог бы сам осмелиться нарушить традиционное молчание, предписанное его ролью. Однако как-то она началась.

Наверное, король попросил его быть, по возможности, понежнее и поаккуратнее с бывшей супругой Его Величества, а тот ответил как-то необычно. Ну и, слово за слово...

Во всяком случае, церемония продвинулась уже далеко, позади были и оглашение приговора, и исповедь, священник, отпустив осуждённой грехи, даже ушёл с помоста (вообще-то, не по правилам, заметил король, надо будет выяснить, что это он, не в знак ли протеста? А осуждённая тогда почему должна страдать? Или это как раз против неё?!). А

палач, временно забыв о своих обязанностях, старался убедить короля в том, что он, палач, в силу специфики своего ремесла знаком с предметом не понаслышке, и может с уверенностью утверждать, что наказание в смысле «око за око, зуб за зуб» даже не потому неправильно, что Христос учил подставлять другую щёку... это пусть обсуждают богословы... а потому что при всём старании так не получается. Ибо очень большую роль играет отражение происходящего в уме человека! И это даже важнее, если подумать, самого того, что с человеком происходит. Смертью наказывают, например, за убийство или даже покушение на убийство. Но жертва преступника надеется уцелеть до последнего, а обречённый преступник – нет, потому его испытание гораздо тяжелее. (Можно было подумать, что палачу и самому пришлось когда-то побывать в шкуре приговорённого, и он натерпелся такого страха, что, хоть и спасся, но никак не мог забыть своих ощущений). Было бы разумно дать и ему толику надежды! Например, палач или присутствующий при казни судья мог бы бросать монетку, или даже специально отчеканенную медаль с изображением... э-э-э... ну... чего-то, обозначающего суровость приговора, скажем, меч правосудия, и чего-то, символизирующего милость... например, Вашего лица, государь... после чего, взглянув на неё и ничего не говоря преступнику, следовало бы взмахнуть мечом так, как она укажет, либо над его головой, вхолостую, наказывая его страхом смерти, и отпустить по воле судьбы. Либо, если

медаль укажет, казнить. Каждая медаль имеет свою обратную сторону, как говорите вы, англичане. (Это была, кажется, реплика в ответ на королевское «только французский палач может начать предлагать королю нововведения в порядке исполнения наказаний», но в какой момент её произнёс король, никто не запомнил).

– Но тогда, – возразил заинтересовавшийся против воли король, – в половине случаев преступник уцелеет! Что-то мне не верится, что Божий суд может произойти по такому пустяковому поводу, как бросание монетки или даже медали с моим изображением. Родственники убитых им, а с ними и все честные люди возмутятся таким решением. Они попытаются устроить самосуд, а мне такого в государстве не нужно.

– О, Ваше Величество, конечно же, в зависимости от тяжести преступления суд может назначить не один бросок медали правосудия, а больше, чтобы шанс избежать наказания был не таким большим. Не в половине случаев. Скажем, если только в трёх бросках медали подряд преступнику выпадет «отпустить», его отпускать, а если хоть в одном из трёх – казнить, то казнить, тогда лишь в одном случае из восьми ему повезёт. А если назначить четыре броска, то только одна шестнадцатая часть преступников избежит справедливой кары, давая надежду остальным и уравнивая их наказания с преступлениями. Прошу мне верить, Ваше Величество, я очень много раз бросал монетку, и установил это доподлинно. Таким образом, легко сделать очень малым шанс

ответиться от наказания. Но и это уже обеспечит справедливое выполнение принципа «око за око, зуб за зуб», так как и небольшого шанса достаточно для того, чтобы на него надеяться. Суд мог бы руководствоваться обстоятельствами преступления, как они воспринимались жертвой. Если преступник подло напал со спины и убил жертву неожиданно, можно назначать меньше бросков, а если жертва видела, что гибель ожидает её наверняка, то бросков медали нужно было бы назначать больше. В особенности, если видела сильно заранее, и если надежда спастись состояла только в неожиданном вмешательстве третьих лиц или, скажем, неожиданном изменении намерений преступника, причём и то и другое представлялось совсем невероятным.

– Восьмая доля и шестнадцатая – это хорошо. А нельзя ли получить двенадцатую? – заинтересовался король. – Дюжина используется людьми не меньше, чем восьмёрка и шестнадцать, и представляет собой и середину между ними, и, к тому же, в отличие от них, делится не только на два, но и на три, и на шесть, что бывает удобно.

– Конечно, можно, Ваше Величество! – обрадовался палач. – Только лучше взять для этой цели не монетку, а, скажем, игральные кости. Кубики нужно как-то обозначить, где первый, где второй. Или лучше просто бросать поочерёдно. Если назначить, что первый бросок должен дать шестёрку, это уже даст одну шестую. Вторым броском может дать шесть, пять или четыре. Если меньше, преступника надо казнить.

Поскольку это половина всех позиций кубика, то это даёт одну вторую долю от той, уже полученной первым броском одной шестой. А вместе получится одна двенадцатая. Можно также вместо второго броска кубика бросить монетку. Это то же самое.

– А если жертв было несколько? – спросил король. – Меня всегда удручала невозможность казнить убийцу столько раз, сколько человек он убил.

– Что ж, Ваше Величество, если Вам будет угодно ввести процедуру с медалью правосудия, приговорённый, в принципе, в каких-то случаях, благополучно переживёт страх смерти за убийство всех своих жертв, кроме одной, чтобы, почти уверившись в своей безнаказанности, погибнуть на последнем этапе. Что явит собой поучительный случай. Для этого приговор нужно разделить на несколько – по каждой жертве свой приговор. Если обстоятельства убийств были разными, то и приговоры будут разными, в смысле, будет предписано разное количество бросков медали правосудия. Итогом каждой серии бросков будет взмах меча... Правда, следует признать, очень редко будет получаться так, что приговорённый будет убит только на последнем взмахе меча. Скорее всего, это произойдёт на первом же этапе, если я правильно представляю себе, сколько бросков медали Вам, Ваше Величество, будет благоугодно назначить в каких обстоятельствах преступления. Уж наверное, не очень мало в любом случае.

– По-моему, – холодно сказал король, – тебе не следует делать предположений о том, что Нам будет угодно назначить, когда Мы ещё не выказали ни малейшего расположения к твоей странной идее реформы правосудия. Коли тебе так показалось, то зря. Да и вообще, не думаешь же ты, что Мы сделаем это немедленно и избавим тебя от нынешней работы, отложив её для будущего переназначения наказания. Это, в конце концов, было бы негуманно по отношению к объекту твоей заботы – если Мы правильно представляем себе цель твоих странных для палача, неуместных и неурочных рассуждений. Помолчи! В оправданиях нет нужды. Мы не будем тебя наказывать, но томить бедняжку неизвестностью тоже больше не позволим. Хоть она и государственная преступница, но всё же Наша бывшая жена и бывшая королева. Недаром же Мы пригласили тебя из Франции, не желая подвергать её знакомству с умениями наших топорных дел мастеров. Для прочих участников заговора это сойдёт, но не для неё... Итак, как только я договорю, приступай к делу. И постарайся не разочаровать меня, и сделать его хорошо.

– Что касается твоей идеи в целом, – продолжал король, противореча своему намерению не томить приговорённую ожиданием, – то основания к ней Мы не находим нелепыми. Наказание должно быть соразмерно преступлению, чтобы правосудие почиталось справедливым. Если возникает сомнение в том, что это так, его следует рассмотреть и, по возможности, устранить несоразмерность. В том числе, воз-

можно – почему бы и нет? – введением в приговор элементов Божьего суда, если Мы правильно поняли твой бестолково из-за неумелого подражания учёной речи изложенный замысел. Но с чего ты взял, что преступник не имеет, в отличие от его жертвы, никакой надежды? Не знаю, как у вас во Франции, а у нас элементы Божьего суда и так имеются в процедуре казни. И преступник может на них надеяться, точно так же, как на твою монетку или медаль. Всем известен обычай не повторять казни, если она не получилась. Этот обычай таков именно по причине, что, значит, так не угодно Богу. Если при повешении порвётся верёвка, например. Правда, в этом случае нужно расследовать, не было ли это устроено человеческими руками, скажем, если на верёвке обнаружится в месте разрыва надрез, нужно отыскать, кто её надрезал, и наказать его, возможно, отложив повторение казни на время следствия. Ведь преступник может знать, кто это так ради него постарался, палач, его помощник или ещё кто-то. Палач в таком случае точно виновен в небрежности: он должен проверить верёвку, чтобы люди не подменяли Божий суд своими хитростями. Есть из этого правила и исключения. Если казни подвергается ведьма, например, её приговорили утопить, а она выплыла, казнь доводят до конца, так как проявились, очевидно, её ведовские умения или помощь дьявола, а не Божья воля. Или верёвки на еретике сгорели прежде него самого и он выскочил из костра – его следует кинуть обратно в пламя. Мы вовсе не потворствуем еретикам.

Хотя римский епископ, называемый по тамошнему обычаю римским папою, осмелился провозгласить в Нашем отношении интердикт, подозревая, должно быть, в приверженности к лютеранской ереси. И это после того, как сам же награди званием «Защитник Веры» за ответ Лютеру! Это правда, что в Нашей стране гораздо меньше ловят и казнят еретиков и ведъм, но это только потому, что эта европейская зараза не распространилась на наш благословенный остров в такой степени, в какой, с Божьего попущения, она свирепствует в руководимых им областях. В этом с Нами согласятся, несомненно, и мой ближайший советник (он Величественно кивнул Кромвелю, стоявшему справа от короля, тот поклонился), и, к сожалению, бывшая Наша жена и королева, несмотря на нынешнее своё прискорбное положение (Анна сделала реверанс, и её губы даже почти сложились в улыбку от нелепости происходящего).

– И потом! – воскликнул король, так как ему внезапно пришла в голову, кажется, ещё лучшая мысль. – Как же у преступника нет надежды? У него есть надежда не попасться! Если бы, например, в этом случае не нашлась, как я слышал от судьи, какая-то добрая и верная Наша подданная, которая предупредила о заговоре, то никто бы о нём не узнал, пока, страшно подумать, не стало бы поздно. Он, правда, Нам её не назвал – наверное, какая-нибудь служанка заговорщиков, прислуживавшая им за столом и услышавшая их разговоры, или кто-нибудь вроде. Если бы это была леди, то,

наверное, назвал бы. Даже в том случае, если он сам уже выплатил этой верноподданной какое-то вознаграждение и потому счёл ненужным Нас этим беспокоить, Мы полагаем выяснить её имя и, если даже сочтём, что судья наградил её достаточно, осчастливим её лицецерением Нашей особы и соизволим лично выразить Нашу благодарность. Но вернёмся к теме нашей странной дискуссии.

– Вижу, ты с Нами не согласен и хочешь возразить. Насчёт последнего Нашего аргумента, уж наверное, ты скажешь, что возможность избежать наказания за счёт того, что удастся скрыть преступление, это не то, что ты имел в виду, так как, хотя это, возможно, Божье попущение, но не имеет отношения к переживаниям несчастного приговорённого. И потому ты имел в виду не это. – Кажется, королю уже самому разонравился его последний аргумент. – Тут можно спорить, а у Нас сейчас нет времени. Да и неправильно было бы надолго оставлять приговорённую в том самом состоянии, какое ты считаешь тяжёлым для переживания настолько, что из сочувствия вызвался реформировать процедуру исполнения наказания, хе-хе. Однако, поскольку мудрость правителя состоит в том, чтобы выслушивать хорошие советы независимо от того, кто их произносит, позволяю тебе это. Но покороче! – вспомнил король свои же слова о том, что лишние речи только продляют муки ожидания смерти приговорённой.

– Ваше Величество дважды правы, – воскликнул палач, –

и во всём том, что сейчас прозвучало из Ваших уст, и в том, что у меня ещё есть, что сказать. Я постараюсь быть кратким, как спартанец или древний римлянин, но всё же, оставив пока обсуждение наличия элементов Божьего суда в существующих установлениях, прежде всего упомяну, что у меня есть и второе основание для моего предложения, чтобы потом не оказалось поздно о нём упоминать. Известно, что судьи, не являясь всеведущими, как Господь, могут ошибиться. Иногда такие ошибки становятся известны уже после свершения казни, а ведь воскресить казнённого судьи, не являясь и всемогущими, не могут. Упомянутое предложение о медали правосудия могло бы...

– Погоди-ка, милейший, – холодно сказал король. – Мне послышалось, или ты, как палач, намерен сам судить о справедливости суда? Может, ты оставляешь за собой право отказаться исполнять свои обязанности для компенсации судебской несправедливости? Выскажись, не бойся. В крайнем случае, ты потеряешь заработок, если Мы решим, что ты не годен для своего ремесла, но ведь истина превыше всего, не так ли? Что ты только что сказал о приговоре Нашего суда – он может оказаться ошибочен? Может, Мы зря заменили четвертование, присуждённое государственной изменнице по закону, на отсечение головы, и зря выписали тебя из Франции для совершения казни? Для четвертования, в конце концов, никакое особое искусство не требуется. – От этого зловещего намёка приговорённая содрогнулась. «Узнаю

доброту своего царственного супруга, – подумала она. – Бывшего. Рассуждать о моих муках страха смерти и потом проносить такие угрозы». – Однако, поскольку ей слова никто не давал, она была вынуждена промолчать. Палач, однако, не дрогнул.

– Всё гораздо хуже, Ваше Величество! – весело заявил он. – Ваш покорный слуга сомневается не в выводах и приговоре данного суда, а в выводах и приговорах всех судов на земле. Ваше Величество упомянули мельком процессы против ведьм. В связи с этим можно вспомнить процесс против Жанны д'Арк, которая была церковным судом приговорена и казнена, а потом церковный же суд, исследовав обстоятельства дела...

– Можешь не продолжать, – буркнул король. Как истинный англичанин, он считал правильным именно первый суд. – Мы можем, конечно, усомниться вслух в правильности этого второго суда, но ты всё равно прав насчёт того, что некоторые суды бывают ошибочными. Вывернулся хорошо. Но при этом ты не ответил на вопрос, который Нас интересует больше. Более конкретный. Насчёт того суда, в результате которого ты здесь.

– Но, Ваше Величество, я ничего не могу сказать об этом! – воскликнул палач. – Я не был в числе судей, я ничего не знаю об обстоятельствах дела, как я могу осмелиться высказывать какое-то мнение? Даже частное, мнение, так сказать, постороннего? Не говоря уже о мнении квалифициро-

ванном, что подобает судье, но не мне, ведь я не судья. Могу сказать только, как человек, имевший дело с последствиями многих приговоров, что ошибки редко, но бывают. Значит, и в этом случае есть какой-то шанс ошибки. Было бы несправедливо требовать от Вашего покорного слуги большего.

– Да уж, да уж, – согласился король. – Куда уж больше. Молодец. Палач, а вывёртываешься не хуже законника. Я не я, и лошадь не моя. Просто прекрасно. Ты же понимаешь, что Нас, как короля, интересует не общее рассуждение, а частное, но увиливаешь. Ну что ж, ладно. На этом нашу дискуссию... И не смотри на неё! Мы видим тебя насквозь, имей в виду. Мы хорошо представляем себе, что ты скажешь, если Мы спросим, кому, в таком случае, хорошо известны обстоятельства дела. Ей Мы тоже сейчас дадим слово. Но! Это будет последнее слово. Как тому и надлежит быть по закону. И у Нас будут условия. Во-первых, слово будет именно последним. Никаких обсуждений ни с чьей стороны, даже с Нашей. Сказала и достойно ушла из этого мира. Во-вторых, это не будет заявлением о невиновности. Мы не желаем слышать ничего такого, что уронит её честь в наших глазах. Ещё ниже, Мы имеем в виду. Государственная измена уже достаточно низкое дело, не нужно усугублять его лживой попыткой напоследок отомстить, бросив тень на Наш суд. Тем более, что в эту ложь никто не поверит. – Он обвёл публику пристальным взглядом. – Так что ты, француз, будешь стоять наготове. И, приступишь к своему делу, как только она за-

кончит – или как только она начнёт говорить что-то о своей невинности. Мы надеемся, тут для тебя нет ничего неясного и сомнительного, в отличие от Нашей юриспруденции?

– Нет, Ваше Величество, я всё понял. Слушаю и повинуюсь.

– Однако, – вдруг вспомнил король, – у Нас с тобой осталась ещё одна неоконченная тема для учёной дискуссии, ха-ха. Не думай, что Мы забыли о ней и дадим повод слухам о том, что Мы не могли выиграть спор у палача и потому предпочли его прекратить. Другая тема, не об ошибках судопроизводства, та дискуссия, Мы очень надеемся, окончена. – Он злобно улыбнулся бывшей супруге, которая при этих словах слегка пошатнулась. Как он и говорил, дискуссия, в которой она не могла участвовать, так как понимала, что говорить ей не дадут, не давалась ей легко. – Но ты что-то говорил про какие-то отложенные аргументы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.